

рый знает про аварию на буровой всё и даже немного больше.

И тут я понял, на кого похожи эти ребята. На карбонариев. Правда, карбонариев я никогда не видел, но какое это имеет значение?

Я слетал на "перегородку". Лучше бы этого не делал.

Я выслушал мучительный монолог об аварии. Никогда бы такого не слышать.

Но блокнот был полон подробностей про выброс газа, про пожар в пласте, про храбрые и толковые действия нерастерявшихся местных геологов и про хамский приказ военных, которым не терпелось испытать свою новую игрушку, после чего всё закончилось подземным взрывом и полным

жом; а ещё перед моими глазами стояли огромные и беззащитные рыбы, бессмысленно кровавившие бока о рукотворную преграду на их божественном вековом пути.

Неожиданно материализовался товарищ Выучейский. Позвонил мне в гостиницу и сказал, что я встречаюсь не с теми людьми и должен прийти в окружком, чтобы встретиться с теми.

УЛЕТАТЬ СЛЕДОВАЛО В УХТУ, ТАМ ДРУГАЯ ТЕРРИТОРИЯ И ПОЧТИ ЧТО ДРУГАЯ ВЛАСТЬ. Рейсовых самолётов на Ухту не значилось, но теперь я был уверен: мне помогут. Так оно и вышло, хотя под занавес и мне пришлось маленько поработать во славу северного братства карбонариев.

Самолёт из Ухты привёз помидоры и, разгрузившись, должен был улететь обратно. На этот борт меня и определил Лёша; в объяснениях с пилотами слова не было сказано о командировке столичного журнала и прочей мишуре – Высоцкого мы пели вместе, вот в чём суть. С разгрузкой что-то не заладилось: конец дня, недели и месяца, грузчики давно ушли водку пьянствовать, а нижний край облачности медленно, но неумолимо приближался к пределу, за которым автоматически следует: "Аэропорт закрыт по метеоусловиям".

Лёша сказал, что в запасе не больше часа.

Я купил у какого-то ханыги две бутылки напитка, где на картинке мужик в красном кафтане держит красный топор, разыскал в закоулках аэропорта двух грустных бичей и поманил их на живца. Пять тонн помидоров мы перекидали в КамАЗ за сорок минут.

Когда самолёт набрал высоту, в грузовой отсек выглянул бортмеханик. Он нёс накрытый салфеткой поднос, на котором стояла рюмка коньяку и лежал присыпанный сахаром ломтик лимона.

– Это аперитив, – сказал бортмеханик.
– В Ухте будем через два часа.

Он закрыл дверь пилотской кабины, потом что-то щёлкнуло, и из динамика послалось:

Рвусь из сил и из всех сухожилий,

Но сегодня не так, как вчера...

Ревели турбины, однако неукротимый голос Высоцкого превозмогал их:

Обложили меня, обложили,

Но остались ни с чём ехеря!...